

Dorota Szumska

Uniwersytet Jagielloński

Импликатура: последнее искушение ЛИНГВИСТА

*Мое намерение состоит не в том, чтобы научить здесь методу,
которому каждый должен следовать, чтобы верно направлять свой
разум, а только в том, чтобы показать, каким образом старался
я направить свой собственный разум.*

*Рене Декарт, Рассуждения о методе, чтобы хорошо проводить
свой разум и искать правду в науках*

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, принцип кооперации Г.П. Грайса, конвенциональная импликатура, неконвенциональная импликатура, косвенный акт речи

Key words: pragmatics, H.P. Grice's cooperative principle, conventional implicature, nonconventional implicature, indirect speech act

Summary

The author tends to indicate the inadequacy of well-known McCawley's slogan *Grice saves* and puts up for discussion its travestation *Grice tempts*. The aim of the paper is to present arguments corroborating the author's view that the vagueness of Gricean term "implicature" makes it useless for linguistic analysis of verbal communication, so it should be replaced with the term "compression" or "syntactic ellipsis" which provides a better approach to the basic for the investigation of languages questions of form-meaning correspondence.

Через четырнадцать лет после гарвардских Лекций Уильяма Джеймса, прочитанных в 1967 году Гербертом П. Грайсом, и спустя шесть лет после того, как вышла в свет первая из последовавшей за этим серии публикаций основателя теории импликатур [Grice 1975] в книге Джеймса Мак-Коли появилась формула

Grice saves (Грайс спасает) [Mc Cawley 1981/1993: 300–301], которая до наших дней находит права методологического гражданства в ориентированном наподобие прагматики на изучение человеческого общения языкознании XXI века. Погружаясь в агрессивное по отношению к логоцентрическому порядку плана *langue* коммуникативное пространство, «на путях к целостности теории языка» [Ревзина 2004] лингвисты уделяют все больше внимания «языку за пределами языка» [Kiklewicz 2011], проявляя повышенный интерес к изучению скрытого, явно не выраженного содержания, иными словами, «по-станиславски» отдавая в своих рассуждениях приоритет подтексту над текстом¹. Не вызывает сомнений, что предложенная Грайсом вместе с Принципом Кооперации и разработана в рамках теории релевантности Д. Спербера и Д. Вильсон (Sperber, Wilson 1986/1995) концепция речевого имплицирования [Грайс 1975] внесла неопределимый вклад в анализ сложных механизмов, детерминирующих как эффективность, так и – что следует подчеркнуть, имея в виду хотя бы прагматический феномен иллюкативного самоубийства² – неудачу коммуникативных процессов [Клюев 2002]. Но эта позитивная оценка не означает, что можно бескритично придерживаться мнения, выраженного в слогане «Грайс спасает», разделяя энтузиазм прагматистов, который способствует порождению иллюзии, что – по сути дела только замеченный, но не разработанный Грайсом феномен – дает науке о языке ключ к пониманию понимания и может послужить понятийно-методологическим фундаментом теории интерпретации текста, построение которой, по-видимому, все еще вне компетенции даже двадцатьпервочечной, проникнутой идеей интегративного подхода к языку постмодернистской лингвистики.

Основной замысел данной статьи заключается в том, чтобы предложить и вынести на обсуждение совсем другую формулу, то есть *Грайс искушает*. Прежде чем обосновывать эту точку зрения, следует, конечно не имея намерения сводить дискуссию к терминологическим вопросам, обратить внимание на факт, что многие лингвисты опрометчиво ставят между терминами «импликатура» и «импликация» знак равенства, что, во-первых, искажает мысль самого Грайса, который придерживался их четкого разграничения, ср.:

Я хотел бы ввести, в качестве специального термина, глагол *имплицировать* (implicate) и относящиеся к нему существительные *импликатура* (implicature), т.е. *имплицирование*, *импликация* (implying), и *имплицат* (implicatum), т.е. то, что *имплицуруется*, имплицуемое (what is implied). Смысл этого маневра в том, что он избавляет от необходимости каждый раз выбирать тот или иной конкретный глагол из группы, для которой слово *имплицировать* должно служить родовым понятием [Грайс 1975]³,

¹ Напоминаются слова знаменитого Константина Сергеевича Станиславского, ср.: «В театр я еду ради подтекста, текст я могу прочитать и дома» http://www.jeducation.ru/3_2008/103.html; 16.12.2001.

² Термин З. Вендлера [Вендлер 1985]. См. также Руднев 2000: 8.

³ Ср. также «Грайс предложил термин «импликатура», чтобы не смешивать соответствующее явление с импликацией в логическом смысле» [Булыгина 1981: 339].

во-вторых, вводит терминологическую и понятийную путаницу, превращающую прагматический феномен вывода импликатуры, ср.:

Общая схема вывода коммуникативной импликатуры выглядит так: «Он сказал, что *p*; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*; он хочет, чтобы я думал – или хотя бы готов позволить мне думать – что *q*: итак, он имплицировал, что *q* [Грайс 1975],

в импликативное суждение, которое причисляется к категории логических операций и подвергается в отличие от подразумеваемых (имплицуемых) компонентов смысла высказывания условиям истинности⁴.

Анализ импликатур и их источников, содержащихся в работах многих лингвистов, типа хрестоматийного примера *Идет дождь* (буквальный смысл/то, что говорится). *Возьми зонт* (то, что сказано/то, что имплицуется/импликатура)⁵, убеждает в том, что:

1) явление так называемого «имплицирования» вызвано законом речевой экономии⁶ и сводится к устранению формальных/поверхностных показателей тех компонентов пропозициональной/семантической структуры высказывания, которые могут быть однозначно восстановлены адресатом при использовании компенсирующего фактора, то есть с учетом коммуникативной ситуации, контекста, общих знаний о мире⁷. Следовательно, можно рисковать утверждение, что термином «импликатура» охватывается в прагматике общее явление, с которым «постоянно сталкиваются лингвисты на материале разных уровней, хотя называют его по-разному: эллипсис, редукция, сокращение, неполнота. Единицы (реально существующие в языке!) редуцируются – иногда до неузнаваемости – на разных языковых уровнях» [Апресян 2010: 223];

2) число импликатур, которых источником может быть данный акт речи, является в сущности непредсказуемым, ср.: *Идет дождь*. может имплицировать *Закрой окно* или *Побыстрей, иди!* или *Закончится духота!*, и тд. Особенно, если учесть возможность порождения так называемой «коммуникативной импликатуры», иначе «импликатуры речевого общения» (conversational

⁴ Импликативное (условное суждение) состоит из двух простых суждений: антецедента (предшествующего/условия) и консеквента (последующего/следствия), связанных логической связкой «если..., то...». Импликация ложна лишь тогда, когда условие истинно, а следствие ложно. Подробнее на эту тему см.: Szumska 2010.

⁵ Ср.: «По Грайсу, информация, передаваемая в речевом акте, делится на две части. То, что действительно говорится, то, что сказано» [Бугыгина 1981: 338–339].

⁶ Ср. закон наименьшего усилия А. Мартине [Мартине 1960: 126; 2009: 169].

⁷ Необходимо уточнить, что свойственный вербальной коммуникации неизоморфизм планов смысла и формы не ограничивается лишь редукцией/компрессией формальных средств выражения, ср.: «Как показывают исследования в области лингвистической прагматики, информации всегда предлагается чуть больше или чуть меньше, чем реально необходимо» [Клюев 2002: 119].

implicature), которую Грайс противопоставил конвенциональной имплицатуре (conventional implicature)⁸. Коммуникативная имплицатура определяется коммуникативно значимыми отклонениями от предполагаемого и подразумеваемого соблюдения коммуникативного кодекса, в состав которого входит широкоизвестный принцип кооперации, описанный Грайсом как единство четырех максим: полноты информации, качества информации, релевантности иначе отношения и манеры иначе способа;

3) каждый акт речи является – независимо от воли адресанта адресат может интерпретировать сообщение неадекватно⁹ – потенциальным источником имплицатуры, иными словами, каждый текст способен к порождению подтекста, особенно, если учесть возможность неконвенционального способа передачи информации.

В контексте лингвистических исследований, которые практически на всех уровнях структурной организации языка должны сводиться к поискам конвенциональных взаимоотношений смысла и формы, ср.:

Когда лингвист сталкивается с тем, что некоторое конкретное языковое выражение передает в некотором конкретном случае то или иное конкретное сообщение, он должен решить, передается ли данная часть информации конвенциональным или неконвенциональным способом [Булыгина 1981: 341]

предлагаемый энтузиастами Грайсовой доктрины подход к вербальной коммуникации обозначает искушение поглотить далеко не комфортную методологически семантику всеобъясняющей и поэтому надежной прагматикой. Но если исследователь языка поддастся этому искушению, это будет его последнее искушение. Последнее потому, что он уже лингвистом не будет, если разделить точку зрения, что лингвист, по крайней мере искушенный, признает необходимость сохранять в своих исследованиях дисциплину диспаратного изучения семантики и прагматики и осознаёт, вызванную принципом экономии речевого общения, асимметричность взаимоотношений содержания и формы, которая проявляется в редуцировании поверхностной структуры выражений, но до границ их узнаваемости в данной ситуации общения.

Подводя итоги приведенных выше замечаний следует сделать вывод, что в лингвистических исследованиях надо заменить термин «конвенциональная имплицатура» терминами «компрессия» или «синтаксический эллипсис» и узнать, что исследование неконвенциональной имплицатуры не является

⁸ Следует подчеркнуть, что понятие конвенциональной имплицатуры не только не нашло в работах Грайса точной формулировки, но и не было проиллюстрировано ни одним примером. Больше внимания было уделено неконвенциональным имплицатурам (nonconventional implicatures), вернее, именно вышеупомянутой коммуникативной имплицатуре [Грайс 1975]. Ср. также «Конвенциональные имплицатуры (мало отличаются от того, что принято называть пресуппозициями) тесно связаны с тем, что говорится в предложении» [Булыгина 1981: 339].

⁹ Ср. «текст и его интерпретатор» [Эко 2005: 11–14].

задачей науки о языке, которая не в силах самостоятельно разработать многоформенную и разносистемную речевую деятельность. Задача лингвиста состоит во внесении порядка конвенции в эту область, которая иначе по словам Фердинанда де Соссюра разграничена быть не может, ср.:

Взятая в целом, речевая деятельность многоформенна и разносистемна; вторгаясь в несколько областей, в области физики, физиологии и психики, она, кроме того, относится и к индивидуальной и к социальной сфере; ее нельзя отнести ни к одной из категорий явлений человеческой жизни, так как она сама по себе не представляет ничего единого. Язык, наоборот, есть замкнутое целое и дает базу для классификации. Отводя ему первое место среди всех и всяких явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в такую область, которая иначе разграничена быть не может [Соссюр де 1960].

Литература

- Grice H.P., 1975, *Logic and Conversation* [в:] P. Cole, J.L. Morgan (ред.), *Syntax and Semantics: Speech Acts*, New York: Academic Press, с. 41–58.
- Kikiewicz A. (ред.), 2011, *Język poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo*. Część 1. *Aspekty lingwistyczno-semiotyczne*, Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.
- McCawley J.D., 1981/1993, *Everything that Linguists Have Always Wanted to Know about Logic...but Were Ashamed to Ask*, Chicago: Chicago University Press.
- Sperber D., Wilson D., 1986/1995, *Relevance: Communication and Cognition*, Oxford: Blackwell.
- Szumka D., 2010, Presupozycja: pre-sąd, czy przesąd. O (nad)używaniu terminu „presupozycja” w analizie semantycznej [в:] J. Górniewicz, H. Grzmil-Tylutki, I. Piechnik (ред.), *W poszukiwaniu znaczeń*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, с. 574–581.
- Апресян Ю.Д. (ред.), 2010, *Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря*, Москва: Языки славянских культур.
- Булыгина Т.В., 1981, О границах и содержании прагматики [в:] Серия литературы и языка, т. 40, № 4, Москва: Наука, с. 333–342.
- Вендлер З., 1985, Иллокутивное самоубийство [в:] *Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика*, вып. 16, Москва: Прогресс.
- Грайс Г.П., 1975, *Логика и речевое общение*, <http://www.kant.narod.ru/grice.htm>; 16.12.2011.
- Клюев Е.В., 2002, *Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия*, Москва: Рипол классик.
- Мартине А. 1960, *Принцип экономии в фонетических изменениях*, Москва: Наука.
- Мартине А., 2009, *Основы общей лингвистики*, Москва: Либроком.

- Ревзина О.Г., 2004, Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка [в:] *Критика и семиотика*, вып. 7, Новосибирск: НГУ, с. 11–20.
- Руднев В.П., 2000, *Прочь от реальности. Исследования по философии текста*, <http://www.niv.ru/doc/poetics/rudnev-out-of-real/index.htm>; 16.12.2011.
- Соссюр де Ф., 1960, *Курс общей лингвистики*, <http://www.philologoz.ru/ling/saussure.htm>; 16.12.2011.
- Эко У., 2005, *Роль читателя. Исследования по семиотике текста*, Москва: Симпозиум.